

После оказания первой помощи и установки капельницы Гу Хуайли снова вырвал, но на этот раз это была почти чистая кровь. В уезде Х Гу Хуайли был известной личностью, и дежурный врач, знавший его, быстро организовал все необходимые процедуры. Видя, что с ним только двое молодых людей, он поручил медсестре помочь Сюй Гану с оформлением документов, а сам взял инвалидную коляску и повёз Гу Хуайли в операционную. Миньюй шёл рядом, настолько напряжённый, что не заметил, как автоматические двери операционной закрылись за ним.

— Родственники ждут снаружи, — медсестра, шедшая последней, обернулась и подтолкнула его, чтобы он не ударился носом.

Миньюй стоял как вкопанный, пока, наконец, не отступил на несколько шагов и не присел у стены. Только тогда он осознал, что его сердце бешено колотится, руки, лежащие на коленях, дрожали, а в правой стороне груди ощущалась острая боль. В горле подкатывала тошнота.

У Миньюя начался приступ желудочной болезни.

Он скользнул на пол, прикрыв рот руками, и пристально смотрел на дверь операционной. Когда Сюй Ган, закончив оформление, поднялся наверх, он увидел его в таком состоянии. Для Сюй Гана Миньюй всегда был противоречивой личностью: иногда он был пугающе спокоен, совсем не похож на подростка, а иногда казался хрупким, как цветок, нуждающийся в заботе.

Сейчас Миньюй был именно таким. Сюй Ган подошёл, взял его за руку и помог подняться, усадив на стул. Видя, что тот молчит, опустив голову, он присел перед ним.

— Миньюй, что с тобой? Тебе плохо?

Глаза Миньюя были влажными, губы слегка дрожали. Сюй Ган, сердце которого сжалось от жалости, обнял его и тихо успокаивал:

— Всё будет хорошо, с отцом всё будет в порядке, не переживай.

Миньюй обхватил Сюй Гана за талию, сжимая так сильно, что тому стало немного больно, но он ничего не сказал, только погладил его по голове.

Спустя некоторое время Миньюй отпустил его, поднявшись с уже обычным выражением лица. Он даже капризно попросил:

— Брат, можно мне воды? Можешь попросить медсестру принести горячей?

Сюй Ган, конечно, согласился, посмотрев на надпись «Операция» на двери.

— Кроме воды, ещё что-нибудь? Что хочешь на завтрак?

Миньюй покачал головой. Сейчас его желудок болел так сильно, что он не мог думать о еде.

Он забыл взять с собой лекарства, которые всегда носил с собой, и знал, что если скажет Сюй Гану, тот заставит его пойти к врачу. Миньюй не хотел уходить отсюда, поэтому решил промолчать.

Сюй Ган быстро принёс ему горячей воды, но, только он собрался сесть, вдруг хлопнул себя по лбу:

— Чёрт! Мы забыли закрыть ворота!

Миньюй широко раскрыл глаза, пытаясь вспомнить, закрывали ли они ворота.

— Панда!

Обычно, когда они были дома, Панду не привязывали, только когда выходили на прогулку. Когда они спускали Гу Хуайли, Панда крутилась у их ног, но тогда никто не обратил на неё внимания. Теперь, когда ворота остались открытыми, а они уехали так спешно, разве Панда останется дома?

Телефон Гу Хуайли тоже был забыт дома. Сюй Ган, боясь, что дом обворуют, побежал к телефонной будке за пределами больницы, чтобы позвонить в дом Чжоу. Уже настало время работы, и он не боялся разбудить их.

Миньюй, беспокоясь о Панде, стал ещё более нервным и не мог усидеть на месте. Он начал ходить по коридору, то переживая за отца, то за Панду. К счастью, когда Сюй Ган вернулся, на его лице была улыбка. Он подвёл Миньюя к окну и указал на большое дерево внизу:

— Миньюй, смотри!

Там, у подножия дерева, сидела большая черно-белая собака, а её поводок был привязан к столбу.

— Панда! Как она здесь оказалась? — Миньюй с радостью воскликнул.

— Я вышел и увидел, как она бежит, держа поводок в зубах, — Сюй Ган похлопал Миньюя по плечу, улыбаясь. — Теперь можешь не волноваться.

— Да.

— Я поговорил с дядей Чжоу, он закрыл за нас ворота.

Они вернулись к операционной, и Сюй Ган вздохнул.

— Я позвонил маме, она с сестрой сразу вылетают.

— Хорошо.

Хотя Панда принесла облегчение, Гу Хуайли всё ещё был в операционной, и настроение Минъюя снова упало.

— Минъюй... Я больше никогда... — Сюй Ган, глядя на дверь, казалось, в этот день наконец повзрослел. — Я больше не буду злить отца. Как ты думаешь, он простит меня?

Минъюй посмотрел на него и твёрдо ответил:

— Простит.

Сюй Ган повернулся к нему, сглатывая ком в горле.

— Хорошо.

Когда Ху Чжэнь и Гу Минчжу добрались до больницы, операция уже завершилась. Обильное употребление алкоголя вызвало прободение желудка и кровотечение. Кроме того, у Гу Хуайли были язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, и на этот раз он едва не лишился жизни. Когда он пришёл в себя, первым делом спросил о сыне.

— Третий Гуань — нехороший человек, Минъюй, будь с ним осторожен.

Минъюй, держа руку отца, не мог вымолвить ни слова. Тогда, в спешке, он лишь упомянул об этом, но Гу Хуайли запомнил и, очнувшись, первым делом предупредил сына, а не спросил о своём состоянии.

Сюй Ган стоял в дальнем углу комнаты, не решаясь заговорить.

Гу Хуайли бросил на него взгляд и отвернулся. Сюй Ган едва не заплакал. Что, если Гу Хуайли прогонит его? Неужели он снова потеряет отца?

К счастью, Гу Хуайли просто был зол, но вскоре снова позвал Сюй Гана, чтобы тот помог ему сесть. Юноша, улыбаясь сквозь слёзы, подбежал к отцу, готовый служить ему, даже если его будут ругать.

Когда Ху Чжэнь вошла в палату, она увидела именно эту сцену. Она была довольна тем, как старший сын заботился о муже, и благодарна Гу Хуайли за его поддержку. В то же время она чувствовала вину за то, что так долго была в отъезде.

Когда Гу Хуайли увидел Ху Чжэнь, его лицо на мгновение исказилось, но только Гу Минчжу, стоявшая за матерью, заметила это. В тот момент она не понимала, что это значило.

Гу Хуайли, будучи в возрасте, восстанавливался медленно, и только через две недели врачи разрешили ему выписаться. Всё это время Ху Чжэнь оставалась в больнице, ухаживая за ним, и даже оставила свои дела в Шэньчжэне, полностью доверив их Гу Минчжу.

Через несколько дней после выписки Ху Чжэнь сказала Миньюю:

— Мама больше не уедет, останется дома с тобой и папой, хорошо?

Миньюй обрадовался, как ребёнок, и стал капризничать, прося маму приготовить ему весенние рулетки. Он не заметил странного выражения на лице отца, который в этот момент о чём-то размышлял.

Ху Чжэнь решила остаться не только ради ухода за Гу Хуайли, но и по другой важной причине. Миньюй рассказал ей о словах Третьего Гуаня, которые он услышал от отца.

Гу Хуайли был честным и трудолюбивым человеком с хорошими связями, и его назначение на должность заместителя директора было вполне заслуженным.

Однако провинциальные власти затягивали с официальным указом, и Ху Чжэнь, услышав от Миньюя о Третьем Гуане, заподозрила неладное. Она спросила мужа, но тот был уклончив. Ху Чжэнь предположила, что кто-то мог использовать нечестные методы, чтобы навредить Гу Хуайли.

Гу Хуайли был принципиальным человеком, но он мог защититься только от честных людей, а не от подлецов. Ху Чжэнь решила тайно от него попытаться выяснить, что происходит, и, возможно, подкупить нужных людей.

Чтобы собрать деньги, она попросила Гу Минчжу свернуть бизнес, практически продав его себе в убыток. Десятилетний труд был разрушен в одночасье, и Ху Чжэнь сомневалась, но, глядя на измождённое лицо мужа, она считала, что это стоит того — Гу Хуайли был человеком чести, и такого мужчину нужно было поддерживать всем сердцем.

Однако после того, как деньги были отправлены, ответа не последовало. Ху Чжэнь начала нервничать и искать другие пути, когда вдруг к ней обратилась давняя подруга, с которой они когда-то вместе работали в профсоюзе, собирали рис и лотосы, а затем стали кондукторами в автобусах. Их дружба была крепкой, и позже подруге повезло выйти замуж за чиновника. Тот, благодаря удачному стечению обстоятельств, занял место своего начальника, который скоростижно скончался, и с тех пор его карьера пошла в гору. Теперь он занимал высокий пост в городском комитете.

<http://bllate.org/book/15446/1371503>